

- Кротов В. Л.* Чоновцы. М. : Изд-во полит. лит., 1974.
- Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.
- Лошманова О. А.* Организационно-кадровые проблемы становления ЧОН Калужской губернии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2015. № 1. С. 103–138.
- Протоколы X съезда РКП(б).* Л. : «Печатный двор», 1933.
- РГАСПИ.* Ф. 17 (Политическое бюро ЦК (Политбюро)).
- ЦДООО.* Ф. 41 (Свердловский (Уральский) истпарт).
- ЦДООСО.* Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).
- ЦДООСО.* Ф. 1494 (Уральское бюро ЦК РКП(б)).

УДК 94(47).084.8:341.322.6

Я. Войтковяк

ПОБЕДА НЕ ДЛЯ ВСЕХ: МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрен механизм репрессий в отношении целых групп советских граждан (военнопленных и национальных меньшинств) в годы Великой Отечественной войны. Автор отвечает на вопросы: действительно ли руководители СССР во главе со Сталиным расценивали победу в Великой Отечественной войне как общее достижение и достояние всего многонационального советского народа? Не была ли война следующим этапом в развитии сталинского режима, целью которого так же, как и до июня 1941 г., была консолидация большинства общества посредством объявления целых социальных групп врагами, шпионами и коллаборационистами, подвергая их репрессиям и тем самым исключая из общества, которое после долгих четырех лет кровопролитной войны ценой огромных жертв могло праздновать победу?

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война, массовые репрессии, советские военнопленные, сталинские депортации.

На протяжении многих лет победа в Великой Отечественной войне рассматривается как победа всех граждан и всех народов Советского Союза. В связи с приближающимся днем Победы в Великой Отечественной войне целесообразен анализ исторических фактов, который может дать возможность ответить на следующие вопросы:

1. Действительно ли руководители СССР расценивали победу в Великой Отечественной войне как общее достижение и достояние всего многонационального советского народа?

2. Не была ли война следующим этапом в развитии сталинского режима, целью которого так же, как и до июня 1941 г., была консолидация большинства общества посредством объявления целых социальных групп врагами, шпионами и коллаборационистами, подвергая их репрессиям и тем самым исключая из общества, которое после долгих четырех лет кровопролитной войны ценой огромных жертв могло праздновать победу?

После нападения Германии на СССР первое публичное выступление Иосифа Сталина перед «подданными» состоялось 3 июля 1941 г. Его речь транслировалась по радио. После типичной для риторики тех времен формы обращения: «Товарищи! Граждане!», прозвучали известные и беспрецедентные слова: «Братья и сестры!.. К вам обращаюсь я, друзья мои!» [1941 год, с. 448]. Данные слова были адресованы ко всем жителям страны, всем населяющим ее народам. Именно в этой речи была употреблена формулировка, упоминающая войну 1812 г. с Великой армией Наполеона, которая вскоре стала официальным названием конфликта между Советским Союзом и Третьим рейхом: «всенародная отечественная война против фашистских угнетателей». Главной целью было объединение усилий всех таким образом, чтобы выйти победителем из смертельной схватки с «наиболее жестоким и коварным врагом». Этот враг должен был сплотить общество «всех советских людей».

Однако одновременно Сталин разрушал это общество – не боялся сказать следующие слова: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица» [Там же, с. 451]. Такие формулировки были использованы всеми воюющими сторонами, но в устах советского диктатора они звучали зловеще. Система, созданная Лениным и усовершенствованная его преемником, с самого начала использовала лозунг произвольно выбранного объективного врага. Поэтому было лишь

вопросом времени, чтобы целые слои общества были представлены как «паникеры и трусы», «шпионы и диверсанты», а тем самым вытеснены за рамки «отечественного» общества.

Тем временем Вермахт неумолимо продвигался на восток. Поражение Красной армии уже в первые дни войны приняло катастрофические масштабы. Как отметил сам И. Сталин в своем выступлении: «Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины» [см.: 1941 год, с. 448]. Логика сталинской системы велела искать виновников среди своих. Методом укрепления дисциплины стали новые репрессии. Первоначально они носили индивидуальный характер. За катастрофу на Западном фронте в скором времени ответственность понесло его командование. В постановлении на арест командующего войсками генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова против него использовались все обличительные материалы, собранные в ходе Большого террора в Красной армии в 1937–1938 гг.: в частности, вспомнили, что он гордился образованием, полученным в Германии в период сотрудничества Красной армии и Рейхсвера; была подчеркнута его тесная связь с расстрелянными «врагами народа» и использованы их показания, в которых Павлов был обвинен в «антисоветском военном заговоре» [Органы..., с. 210–213]. Немного другая риторика была использована в официальном документе – указе Государственного комитета обороны, в котором сообщалось о передаче в военный трибунал дела Павлова, бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Владимира Ефимовича Климовских, начальника связи фронта генерал-майора Андрея Терентьевича Григорьева, командира 4-й армии этого фронта генерал-майора Александра Андреевича Коробкова и нескольких командиров и комиссаров дивизий. Были озвучены следующие официальные причины: «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» [1941 год, с. 472–473].

Одновременно Комитет потребовал от командиров и политработников всех уровней, чтобы они «не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины» [Там же, с. 473].

Спустя месяц после начала войны, 22 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила четырех генералов к смертной казни, потому что: «вследствие своей трусости, бездействия и пани-

керства нанесли серьезный ущерб Рабоче-Крестьянской Красной армии, создали возможность прорыва фронта противником на одном из главных направлений и тем самым совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 193-17/6 и 193-20/6 УК РСФСР» [Органы..., с. 392–393]. В следующие недели и месяцы их судьбу разделили многие другие высокопоставленные командиры и начальники, которые без особых оснований были признаны виновными в трусости и подобных преступлениях [см.: Звягинцев; Maslov, 2001; 2013].

Но все же это были отдельные случаи. Главная причина вышеуказанных действий – укрепление дисциплины и решимости у командиров высшего уровня. Довольно быстро Сталин и его окружение осознали, что проблема Красной армии заключается в другом. С начала войны солдаты и командиры разных рангов массово сдавались в плен к немцам. Только в Беларуси в период с 22 июня по 9 июля 1941 г. безвозвратные потери Красной армии составили более 340 тыс. чел. – 54,4 % действующей армии [Великая Отечественная..., с. 78]. Большую часть этих потерь составляли военнопленные. В начале августа немецкая группа армий Юг сомкнула в районе Умани кольцо окружения вокруг 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта, которые вскоре капитулировали. В плену оказалась группа советских генералов, в частности, командующие обеими армиями – генерал-лейтенант Иван Николаевич Музыченко и генерал-майор Павел Григорьевич Понеделин. Немецкая пресса распространяла фотографии командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Николая Кириллова в парадной военной форме, сдающегося в плен солдатам Вермахта¹.

С точки зрения режима, быстро растущие ряды военнопленных создавали серьезную угрозу. Один из лозунгов Третьего рейха в войне с Советским Союзом – антикоммунизм. Массовая сдача в плен, кроме очевидного факта неподготовленности Красной армии к оборонительным действиям, как минимум, свидетельствует о невысоком патриотическом сознании масс красноармейцев, а может быть, даже о выражении бунта против порядков в Советском Союзе. Однако в Кремле не осознавали того, что Гитлер не видел возможности альянса со славянами, доминирующими среди жителей СССР. Даже в отношениях с украинцами, часть которых встречала немцев как освободителей, он не планировал

---

¹ В польском Центральном военном архиве находится крупная неразработанная коллекция фотографий, сделанных немцами на Восточном фронте в первые недели войны. Автору статьи удалось посмотреть эту коллекцию в 1999 г. Значительная часть коллекции – это фотографии генералов Понеделина и Кириллова.

предоставления им автономии, не говоря уже об удовлетворении их амбиций по созданию собственного государства. Поэтому военнопленные, а прежде всего сдающиеся в плен командиры Красной армии, должны были исключаться из общества, борющегося за победу в Отечественной войне, которая была одновременно борьбой за выживание всей системы, созданной Лениным и Сталиным.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии, в которую входили тогда сам Сталин, народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, Маршалы Советского Союза С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко и Б. М. Шапошников, а также генерал армии Г. К. Жуков, издала 16 августа 1941 г. приказ «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». После перечисления примеров героизма некоторых командиров, которые, будучи окруженными, продолжали сопротивление и смогли прорваться через линию фронта к своим, а также трусости таких командиров, как Понеделин и Кириллов, сдавшихся в плен², было предложено:

«1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

---

² Третий генерал, который, как предполагалось, сдался немцам и был перечислен в приказе, – это командующий 28-й армией генерал-лейтенант Владимир Яковлевич Качалов. Многие указывают на то, что Москва уже тогда знала о его гибели во время прорыва из немецкого окружения под Смоленском. Несмотря на это, в соответствии с приказом, его семья была репрессирована.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах» [1941 год, с. 476–479].

Заключительная фраза приказа имела ключевое значение: все солдаты, командиры и политработники Красной армии были проинформированы, что власть в очередной раз прибегает к использованию принципа коллективной ответственности, т. е. не только сдавшийся в плен становится предателем – страдать должны также и его родные. В случаях, когда члены командно-начальствующего состава сдавались немцам, использовался уникальный по мировым меркам законодательный инструмент, но уже давно присутствующий в советской системе, так называемая статья «ЧСИР» (Член семьи изменника Родины). Наказание за это «преступление» – заключение в лагеря на 5–8 лет³. Также и семьи рядовых красноармейцев должны были исключаться из общества – они лишались государственного пособия и помощи. Такие меры в условиях военного времени фактически означали голодную смерть, в лучшем случае – нищенство. К счастью, от принципа коллективной ответственности очень быстро отказались. В контексте вышеупомянутой статьи сам Сталин должен был попасть в лагерь, так как его сын, старший лейтенант Яков Джугашвили – командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка – с 16 июля 1941 г. считался пропавшим без вести. Как вскоре выяснилось, он попал в немецкий плен [см. : Сухотин]. Его судьбу до конца 1941 г. разделили около 3 млн солдат и офицеров Красной армии, а в конце марта 1942 г. в немецком плену оказалось уже 3,6 млн советских солдат и командиров [см. : Штрайт, с. 7]. В случае последовательного репрессирования семей военнопленных несколько миллионов человек оказалось бы в лагерях или остались бы без работы. Это угрожало полным параличом стране, которая должна была объединить все силы для увеличения шансов на победу в войне. Поэтому данная мера применялась избирательно, в основном к семьям тех военнопленных, которые активно сотрудничали с оккупантами. Например, в случае генерал-лейтенанта Андрея Власова,

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 107.

который после того, как в июле 1942 г. был взят в плен немцами, возглавил Комитет освобождения народов России. Затем приступил к созданию (при небольшой и непостоянной поддержке с немецкой стороны) «Русской освободительной армии», которая должна была действовать в составе Вермахта [см.: Органы...; Ковалев; Hoffmann].

Нельзя оспаривать тот факт, что более 1 млн граждан Советского Союза, в основном военнопленных, во время войны носили форму противника, служа в регулярных, полицейских и вспомогательных частях немецких вооруженных сил. Нельзя утверждать, что они делали это по личному убеждению. Некоторых красноармейцев к этому шагу подтолкнул приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г., рассматривающий военнопленных как предателей. В свою очередь, политика нацистского геноцида, особенно во время трагической зимы 1941/42 г., привела сотни тысяч заключенных к медленной смерти от голода, гипотермии и болезней [см.: Масюковщина; Rybak; Snyder].

Эту причину сотрудничества с немцами – желание избежать верной смерти – подтверждает тот факт, что значительная часть коллаборационистов при первой возможности присоединялась, например, к партизанским группировкам (не только советским).

На протяжении всего периода войны и даже после нее военнопленные, как и все солдаты, пребывающие на территории, контролируемой противником, хоть и в малой степени, но были подвергнуты процедуре проверки. Это относилось к офицерам Красной армии, откомандированным в воинские подразделения союзников. В частности, это коснулось полковника Александра Константиновича Лаского, польской национальности, кадрового советского офицера, который в 1945 г. командовал 9-й пехотной дивизией Войска Польского, разбитой немцами у Баутцен в апреле 1945 г. Сам Лаский 27 апреля на короткое время был взят в плен, где давал показания. После освобождения был подвергнут проверке специальной комиссией, возглавляемой другим кадровым офицером Красной армии – генерал-майором Иосифом Иустиновичем Санковским. Комиссия, принимая во внимание данные им показания, а также факт пребывания в плену, 19 июня 1945 г. вынесла вердикт, в котором было сказано:

«полковник Лаский:

1. Нарушил воинскую присягу и верность Родине, запачкал честь офицерского состава.
2. Проявил малодушную трусость и шкурничество, недостойное офицера.

Исходя из этого Комиссия считает, что п-к Лаский не может далее находиться в рядах армии»⁴.

Никто не принял во внимание, что (вполне вероятно) на глазах Лаского был зверски убит другой из плененных тогда командиров дивизий Войска Польского, Герой Советского Союза, генерал-майор Александр Вашкевич. Офицер был отправлен в СССР лишь 10 сентября 1945 г. Не вызывает сомнения, что после такого вердикта он оказался в заключении в лагере.

Аналогичная или даже худшая участь постигла сотни тысяч бывших военнопленных, которым удалось пройти через кошмар плена. На конференции в Ялте Сталину удалось получить от руководителей США и Великобритании гарантии, что все граждане СССР, находящиеся в данный момент или в будущем на территории, контролируемой союзниками, будут депортированы в Советский Союз. Это касалось как военнопленных, так и других жителей СССР, добровольно или принудительно оказавшихся в центре Европы, главным образом в качестве рабочей силы. После возвращения на родину пленники попадали в проверочно-фильтрационные лагеря. Каждый подвергался унижительной процедуре выяснения обстоятельств, при которых он был взят в плен, и оценке поведения во время пребывания в нем. Как с горечью писал один из прошедших такую проверку – майор Василий Новобранец, у него создалось впечатление, что цель одна: «Уничтожить всех военнопленных 1941 года как живых свидетелей поражения Сталина и его клики в начале войны» [Новобранец, с. 106].

По официальным данным из 1,5 млн бывших военнопленных, вернувшихся в СССР, более 226 000 (14,69 %) «были отданы в распоряжение НКВД»; 344 500 (22,37 %) были переведены в строительные батальоны, т. е. в более легкую версию лагеря⁵. Известно также, что из 55 генералов Красной армии, вернувшихся в 1945 г. в СССР, 29 были подвергнуты репрессиям и даже не в связи с активным сотрудничеством с врагом,

⁴ Акт о реабилитации бывшего в плену бывшего командира 9-й пехотной дивизии полковника Лаского от 19 июня 1945 г.: Centralne Archiwum Wojskowe, Warszawa – Rembertów (Центральный военный архив, Варшава – Рембертов), Teczki Akt Personalnych, 497/58/4462, k. 6–7.

⁵ Результаты проверки и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 г.). Документ из Государственного архива Российской Федерации цит. по Интернету: stalinism.narod.ru/docs/repress/plen.htm. Кроме того, НКВД были арестованы 47 тыс., в строительные батальоны попали 264 тыс. так называемых оstarбайтеров.

а из-за предполагаемой трусости, «антисоветской агитации» в лагере и подобных проступков [см.: Смирнов, с. 76–166]. Репрессии не ограничивались военнопленными – обвинение «стигматизировало» их семьи. Близкие не могли проживать в крупных городах, сталкивались с проблемой получения работы, их детям ограничивался доступ к среднему и высшему образованию. Таким образом, можно подсчитать, что во время войны и после ее окончания около 2 млн советских граждан – военнопленных и их семей – были фактически исключены из общества.

Военнопленные и их семьи хоть и являются самой многочисленной, но отнюдь не единственной группой, которая была исключена из общества «всех советских людей» во время и после Великой Отечественной войны. Та же судьба постигла целые народы. Внешняя угроза вела к репрессиям в Советском Союзе, где основанием было подозрение в нелояльности некоторых национальных меньшинств. В частности, в 1930-е гг. массовые депортации коснулись финнов, поляков, немцев, корейцев, курдов и иранцев, проживающих в приграничных районах Советского Союза. Во время Большого террора НКВД проводились карательные операции по отношению к полякам, латышам и немцам, в рамках которых было расстреляно почти 200 тыс. человек. Последние проживали на всей территории страны, но самая большая их часть находилась в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья и прилегающих областях, где их предки поселились во времена Екатерины II. Все стали подозреваемыми.

Народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия 25 августа 1941 г. представил Сталину проект постановления Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) о режиме переселения почти 480 тыс. немцев из АССР немцев Поволжья, а также Саратовской и Сталинградской областей [Лубянка..., с. 311–312]. 28 августа Президиум Верховного Совета издал Указ, санкционирующий и объясняющий эти меры. В частности, в нем сказано следующее: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья»⁶.

⁶ О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. // Арх. Александра Н. Яковлева. Фонд А. Н. Яковлева. Сталинские депортации 1928–1953. Превентивные тотальные депортации и депортации отступления (1941–1943 гг.). Док. 3.6.

Это было грубой ложью: с начала войны, несмотря на все усилия органов внутренних дел, за контрреволюционные преступления было арестовано лишь 145 немцев Поволжья [см.: Ciesielski, Hryciuk, Srebrakowski, s. 357]. Тем не менее, Сталин и его окружение решили изгнать почти 0,5 млн граждан своей страны из родных домов, где зачастую немцы проживали в течение многих поколений.

На этом преследования немецкого населения в Советском Союзе не завершились. В последней декаде августа 1941 г. началась депортация немцев, проживающих в Крыму и Ленинградской области, а затем и в других частях Европейской России и Кавказа. Всего было депортировано 750 тыс. мужчин, женщин и детей [Ibid, s. 356–357, 362–363; Полян, с. 102–116].

Очередная волна преследований немцев и населения с немецкими корнями началась после коренного поворота в ходе войны, во время постепенного освобождения советской территории от немецкой оккупации. Как известно, на оккупированных территориях власти Третьего рейха вводили так называемые фолькллисты, в которых регистрировали людей немецкого происхождения, что далеко не всегда приветствовалось с энтузиазмом самими заинтересованными. Та же политика проводилась после 22 июня 1941 г. в оккупированных районах Советского Союза, прежде всего в Украине, Крыму и Прибалтике. Уже 28 декабря 1943 г. Берия подал докладную Сталину о том, что «НКВД СССР считает необходимым всех “фольксдейче”, выявленных на территории, освобожденной от противника, арестовать. В отношении тех, на которых будет достаточно оснований для привлечения к суду военного трибунала, – судить, всех остальных “фольксдейче” вместе с семьями выселять в Алтайский край. Высылать также семьи тех “фольксдейче”, которые будут осуждены по суду». Решение Сталина было однозначным: «Всех арестовать, содержать в спецконлагере под особым надзором и использовать для работ. Ст.» [Лубянка..., с. 405].

Наверное, не стоит подробно останавливаться на том, что советские немцы, и особенно те, кто активно сотрудничал с оккупационными властями, в подавляющем большинстве покинули родные края вместе с немецкими войсками. Остались в основном те, кто не чувствовали себя виновными ни в каких преступлениях, хоть и были зарегистрированы в фолькллисте. Несмотря на это, они были объявлены предателями.

Как известно, не только часть украинцев, но и часть представителей национальных меньшинств СССР, проживающих в Крыму и на Северном Кавказе, приветствовали приход немецких войск на их территорию.

Особенно активно они сотрудничали с оккупантами в 1942 г., видя в них освободителей от России и коммунистического угнетения. Некоторые из них, но, конечно, не все. Для Сталина это не имело значения. Грехи коллаборационистов отпечатались на судьбах целых народов, из которых они происходили. Освобождение Северного Кавказа и Крыма обернулось для этих народов не освобождением, а началом трагедии. Они были названы предателями и подверглись депортации. В период 1943–1944 гг. были выселены (в основном в Центральную Азию) тысячи карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев, крымских татар, проживающих в Крыму болгар, греков и армян, а также турок-месхетинцев и курдов из Закавказья. Нет особого смысла подробно останавливаться на этих трагических событиях. Они широко описаны в мировой и, прежде всего, российской литературе [см., напр.: Бугай; Полян]. Следует, однако, отметить, что насильственное переселение коснулось более чем 1 млн граждан СССР. Многие из них погибли во время транспортировки (калмыки, балкарцы, чеченцы и ингуши были депортированы в зимнее время) или вскоре после прибытия на новые места поселения, не подготовленные для новоприбывших. Остальные подвергались постоянным преследованиям.

Трагедия закона о преступлении против государства была необыкновенно широка. Обвинения по отношению к крымским грекам были следующими: «Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д.» [Лубянка..., с. 430–431]. За эти «преступления» все (46 тыс. людей) должны были покинуть свою родину [см.: Полян, с. 247–248].

Подводя итоги наших рассуждений, можно сделать вывод, что хотя Советский Союз во время Второй мировой войны в результате военных действий и нацистских преступлений понес невосполнимые людские потери, Сталин считал необходимым исключить из сообщества «всех советских людей», празднующих в мае 1945 г. Победу в Великой Отечественной войне, более 4 млн чел. Не будем отрицать тот факт, что часть из них предала родину и активно сотрудничала с врагом, но следует подчеркнуть, что были репрессированы все члены групп, в которых можно было наблюдать прогерманские настроения. Принцип коллективной ответственности привел к тому, что миллионы пострадали из-за преступлений десятков тысяч. Только меньшинство репрессированных было истреблено пулями, голодом и холодом, остальные из них стали дешевой

рабочей силой или в лучшем случае – гражданами второго сорта. Таким образом, очевидно, что Сталин не считал победу «общей для всех». И хотя во второй половине 1944 г. и в 1945 г. в рядах Красной армии, которая в то время освободила обширные просторы Центральной и Восточной Европы, подготавливая почву для установления на этой территории зоны советского режима, все еще остались некоторые представители репрессированных народов, их близкие вели жалкое существование в местах ссылки.

1941 год : документы / под ред. В. П. Наумова. М. : Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2.

Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М. : Язуа, 2005.

Бугай Н. Ф. Принудительные переселения и демобилизации в СССР: 1944 год // Великая Отечественная война 1944 год: Исследования, документы, комментарии. М. : Изд-во Главного архивного управления города, 2014.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь // под ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Олма Пресс, 2010.

Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М. : Терра, 2006.

Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009.

Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 // Арх. Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М. : МФД : Материк, 2006.

Масюковицина: Шталаг-352. 1941–1944: Документы и материалы / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2005.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. документов. Т. 2 : Начало. Кн. 1 : 22 июня – 31 августа 1941 года. М. : Изд-во «Русь», 2000.

Новобранец В.А. Записки военного разведчика // Воен.-ист. арх. 2005. № 2.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001.

Смирнов Ф. Советские генералы в плену. М. : Изд-во фонда «Холокост», 1999.

Сухотин Я. Л. Сын Сталина. Жизнь и гибель Якова Джугашвили. Ленинград : Лениздат, 1990.

Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М. : Русское историческое общество : Русская панорама, 2009.

Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. Masowe deportacje ludności w Związku Radzieckim. Toruń : Adam Marszałek, 2003.

Hoffmann J. Rosyjscy sojusznicy Hitlera. Wlasow i jego armia. Warszawa : Wydawnictwo : Bellona, 2008.

Maslov A. A. Captured Soviet Generals. The Fate of Soviet Generals Captured by the Germans 1941–1945. London : Frank Cass ; Portland : Oregon, 2001.

Maslov A. A. Red Army Generals Repressed during the Soviet-German War, 1941–1945. P. 2 : The Western and Northwestern Axes, July-September 1941 // J. of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26. P. 551–575.

Rybak A. Stalag 319 w Chełmie. Zarys dziejów. Chełm : Chełmskie Towarzystwo Regionalne, Stowarzyszenie Bibliotekarzy Polskich Zarząd Oddziału w Chełmi, 2004.

Snyder T. Skrwawione ziemie. Europa między Hitlerem i Stalinem. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi, 2011.

УДК 94(470.55).084.6/.084.9:329

Р. Ш. Хакимов

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРИВИЛЕГИЙ ДЛЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АКТИВА В 1930–1950-е гг. (на примере Челябинской области)

В статье проанализированы направления складывания системы привилегий партийно-советского актива в Челябинской области. Выявлены ее основные особенности: всеохватность и всеобщность включения в систему получения льгот и привилегий работников всех структур власти; иерархичность; полная закрытость; консолидация номенклатуры на основе системы привилегий; фактическая ее незаконность.

К л ю ч е в ы е с л о в а : привилегии, бюро обкома ВКП(б), партийно-советский актив, лечение, питание, материальная помощь.

Одним из отличий Советского государства было фактическое сращивание господствующей Коммунистической партии с государством. При формальном существовании органов законодательной и исполнительной власти в форме съездов Советов, Верховных Советов и исполнительных комитетов, президиумов Советов разных уровней (союзных и автономных республик, краевых, губернских, областных, городских, окружных, районных, сельских), Совета народных комиссаров/Совета министров и наркоматов/министерств фактическая власть принадлежала партийным комитетам (ЦК РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, ЦК компартий республик, крайкомам, обкомам, горкомам, окружкомам, райкомам), хотя ни в одной Конституции РСФСР – СССР, вплоть до Конституции СССР